
История СССР за рубежом

АМЕРИКАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИИ В 1917—1920 гг.

В. Э. ВИЛЬЯМС

От редакции. Об иностранной военной интервенции в Советской России в 1918—1922 гг. советскими историками написано немало работ. В них раскрыты организаторская роль и активное участие империалистов США и Антанты в интервенции, показана героическая борьба большевистской партии и советского народа против интервентов. Публикуемая ниже статья американского историка В. Э. Вильямса (автора переведенной на русский язык книги «Трагедия американской дипломатии») напечатана в журнале «Studies on the Left» (Fall 1963, Winter 1964); она важна не только решительными выводами об антисоветском характере интервенции, направленными против апологетики американской политики официальной буржуазной историографией США, но и детальным анализом закулисной подготовки интервенции, основанном на архивных материалах, не всегда доступных ученым других стран.

Конечно, не со всем в статье Вильямса можно согласиться. Автор впадает в явный субъективизм, рисуя «жестокие душевные терзания» президента США, принявшего решение вмешаться в русские дела якобы вопреки собственным принципам. Об этом обычном для буржуазного политика разрыве между словом и делом в свое время точно сказал В. И. Ленин: «Идеализированная демократическая республика Вильсона оказалась на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов» (ПСС, т. 37, стр. 192—193). Данные самого Вильямса об отношении Вильсона к «бумагам Сиссона» также подтверждают — вопреки мнению автора — лицемерный характер либеральной фразеологии президента. Советский читатель найдет в статье и другие наивные, неясные и ошибочные положения. Тем не менее в целом она представит несомненный интерес для читателей нашего журнала.

Статья печатается в сокращенном переводе.

I. МИРОВОЗЗРЕНИЕ ТВОРЦОВ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ

Американские государственные деятели, определявшие политику по отношению к России в 1917 г., занимали в философской, идеологической, экономической и политической коалиции, известной как движение прогрессистов, места, начиная чуть левее центра и в направлении правого крыла. Некоторые из них, подобно Роберту Лансингу, были привлечены на государственную службу еще президентами-республиканцами. Другие, как, например, посол в России Дэвид Роланд Фрэнсис, были влиятельными лицами в демократической партии. В целом

же они представляли либо самую верхушку, либо советников и чиновников американских правительственных сфер.

Бэзил Майлс и Фрэнк Польк принадлежали к руководству госдепартамента и в первые годы большевистской революции оказывали некоторое влияние на политику по отношению к России. В конце 1917 г. Майлса назначили постоянным экспертом госдепартамента по русским делам. Враждебное отношение Майлса к большевизму выявилось еще в ноябре 1917 г. и не менялось с тех пор. «С 1917 г. я неизменно считал, что мы должны поддерживать любые надежные и здоровые элементы порядка, где бы они ни появлялись», — напомнил он как-то Лансингу¹. Чтобы не было никаких сомнений в смысле выражения «надежные и здоровые элементы порядка», укажем, что в то время оно было общепринятым дипломатическим обозначением антибольшевистских сил. Советник госдепартамента Фрэнк Польк вместе с Майлсом составлял многие текущие донесения по России и участвовал в частных беседах с Вильсоном и Лансингом. Он также был враждебен большевизму и нередко использовал свое влияние, чтобы активизировать антисоветскую политику.

Мэддин Саммерс, американский генеральный консул в России, был наиболее влиятельным профессиональным дипломатом, втянутым в текущие события русской революции. На дипломатической службе он состоял с 1899 г. Откомандированный в Россию в 1916 г. после долгого пребывания в Латинской Америке, он вскоре женился на дочери русского дворянина. Его собственный консерватизм еще более окреп и получил эмоциональную подкладку в силу того, что политика большевиков затронула положение родственников его жены. Саммерс был убежден, что «коммунизму не место в современном мире», и прилагал все усилия к тому, чтобы коммунизм не утвердился в России². Посол Фрэнсис однажды заметил, что Саммерс «яро ненавидит большевиков»³.

Сам посол был в прошлом миссурийским дельцом. Человек незаметного происхождения, он стал миллионером к середине 90-х годов XIX в., занимаясь торговлей хлебом, банковским делом и вкладывая деньги в железные дороги. Фрэнсис был министром внутренних дел при президенте Гровере Кливленде и заплатил за свою приверженность принципам «золотых демократов», когда Брайан взял верх в партии. Вильсон же сначала предложил ему пост посла в Аргентине. Фрэнсис отказался от предложения, но произвел сильное впечатление на президента во время разговора с ним в Белом доме. Позднее, когда президенту нужен был подходящий человек для ведения торговых переговоров с Россией, он сразу же обратился к Фрэнсису. На этот раз тот ответил согласием. Он рьяно поддерживал экономическую экспансию за рубежом и в конце концов стал резко критически относиться к Морганам за их попытку действовать в России не самостоятельно, а используя британские связи.

Фрэнсис любил покер и тому подобные развлечения, он старел, но не был ни некомпетентным, ни дряхлым, как его иногда изображают. В действительности это был прожженный миссурийский политик с консервативными убеждениями, видевший в большевиках то, чем они и были, — радикальных революционеров, преследовавших «крайние со-

¹ Майлс — Лансингу, 15 апреля 1919 г. National Archives of the United States of America (Национальный архив США), Record Group 59, Decimal File N 861.00/791 1/2. В дальнейшем будет указываться только номер документа; документы из других фондов будут отмечаться специально.

² Саммерс — Польку, 2 ноября 1917 г. (861.00/634 1/2).

³ Фрэнсис — Лансингу, 15 и 29 апреля (814.142/3200, 861.00/1731).

циалистические» цели⁴. Он прилагал все силы, чтобы ослабить, подорвать и устранить их власть в России.

Посол в Японии Роланд Моррис и посланник в Китае Поль С. Рейнш также внесли свой вклад в подготовку американской интервенции. Оба были враждебны большевизму, ибо видели в действиях радикалов прямую и косвенную угрозу американскому экономическому и политическому влиянию на Дальнем Востоке в рамках стратегии «открытых дверей». Вильсон и Лансинг ценили их доклады и советы и опирались на их данные, разрабатывая такой путь интервенции против большевиков, который не позволял бы Японии расширять и укреплять свои позиции на азиатском материке. Рейнш способствовал принятию решения оказать поддержку китайским военным операциям против большевиков в Харбине. Затем он собрал данные о конфликте между большевиками и чехословаками в Сибири, которые подсказали Вильсону основную тактику интервенции⁵. Что касается Морриса, то он представлял обширные доклады о политике и действиях Японии, следил за развитием революции в Сибири, а позднее по поручению Вильсона предпринял специальное изучение характера и силы различных антибольшевистских сил⁶.

Хотя и Рейнш и Моррис оказывали большое личное влияние на Вильсона, они не играли столь важной роли и не обладали таким влиянием, как государственный секретарь Лансинг. По своему рождению и воспитанию принадлежавший к высшим городским слоям восточных штатов, Лансинг впитал традиции профессиональных юристов вроде Джона В. Фостера, уже тогда оказывавших влияние на правительственные дела (к этим кругам позже принадлежали братья Аллен и Джон Фостер Даллесы). Идеология и политика Лансинга представляла консервативное истолкование доктрины классического либерализма XIX в. применительно к условиям промышленного прогресса XX в. Он веровал в демократию и считал ее распространение по всему миру залогом процветания и мира. Сама же демократия определялась такими понятиями, как индивидуализм и частная собственность. Лансинг понимал, что правительство должно нести большую ответственность за планирование и руководство хозяйством во время войны, но его сильно тревожили последствия этих мероприятий. «Вся тенденция правительства — социалистическая, — жаловался ему один из его друзей юристов в декабре 1917 г., — мы можем скоро оказаться в положении России». В «личном и конфиденциальном» ответе Лансинг выразил сочувствие: «Из наших бесед по политическим проблемам, состоявшимся год назад, вы знаете, что по убеждениям я скорее индивидуалист, чем националист (то есть, на мой взгляд, пассивный социалист), и я, естественно, расположен поддерживать индивидуализм как высший принцип национальной жизни»⁷. Обеспокоенный

⁴ См. рукописные бумаги Фрэнсиса в распоряжении Миссурийского исторического общества и его личное дело в Национальном архиве. См. также «The Papers of Woodrow Wilson» (далее «Wilson Mss») в Библиотеке конгресса; «New York Times», February 17.19.1916; «St. Louis Globe Democrat», February 23, 1916; National Foreign Trade Convention, «Proceedings, 1915» (New York, 1916), p. 169; Фрэнсис — Вильсону, 8 апреля 1916 г. и Лансинг — Фрэнсису 10 апреля 1916 г. (711 612^{1/2}).

⁵ См. «The Papers of Paul S. Reinsch» (далее «Reinsch Mss») в отделе рукописей Исторического общества штата Висконсин в г. Мэдисон, содержащие много доселе неиспользованных интересных сведений. Идеи Рейнша об американской экспансии выражены в его работах: «World Politics at the End of the Nineteenth Century», N. Y., 1904, p. 310—311, 312, 315; «Colonial Administration», N. Y., 1912, p. 3—4, 7; «An American Diplomat in China», Garden City, 1922, p. 106, 217, 338, 354—355.

⁶ В отличие от Рейнша, Роланд Моррис не изучал постоянно международные отношения и не был профессиональным дипломатом. Он сыграл свою роль в интервенции в основном уже после того как было принято решение послать войска в Сибирь, специально исследуя антибольшевистские силы по просьбе Вильсона.

⁷ Э. Н. Смит — Лансингу, 13 декабря 1917 г.; Лансинг — Смигу, 20 декабря 1917 г., «The Papers of Robert Lansing» в отделе рукописей Библиотеки конгресса (далее «Lansing Mss»).

«централизацией власти и контроля над бизнесом» в Америке, Лансинг тем не менее участвовал в работе новых учреждений, осуществлявших сотрудничество корпораций с национальным правительством. Однако он был куда менее склонен на компромиссы в делах с большевиками.

Не доходя до таких крайностей и громких риторических заявлений, как Рейнш или Вильсон, Лансинг считал необходимой и морально оправданной американскую экономическую экспансию за рубежом. Таким образом, в своих дипломатических делах он «пытался последовательно проводить принцип открытых дверей»⁸. Большая осторожность Лансинга, меньшая склонность к морализированию и декларативности ограничивали рамки его личного сотрудничества с Вильсоном. В конце концов дело дошло до открытого разрыва. Но это не значит, что они постоянно не ладили друг с другом или что Вильсон игнорировал политические советы Лансинга.

Так, накануне русской революции и в ходе подготовки Соединенных Штатов к вступлению в войну Лансинг помогал Вильсону сжато сформулировать основу его программы урегулирования послевоенных дел. Предметом глубокой заботы обоих была экономическая экспансия на других континентах. Значение, придаваемое Вильсоном этой экспансии, неудивительно с точки зрения его тезиса, что «общество представляет единый организм», и заявлений типа «у нас нет ни достаточно широкого рынка, ни средств избавиться от излишков»; «наших внутренних рынков уже недостаточно, нам нужны рынки за рубежом»⁹. Развивая свою идею об обществе как «едином организме», Вильсон утверждал, что бизнес «служит основой всех прочих и особенно политических связей».

«Если Америка будет лишена свободы предпринимательства, тогда она будет лишена и какой бы то ни было свободы вообще» — откровенно заявил президент¹⁰. Соединение экономической и политической свободы в одно целое было для него идеалом, который предстояло претворить в жизнь; в соответствии с этим президент рассматривал свой кабинет как инструмент, а экономическую экспансию США за границей как важное средство достижения этого идеала. Вильсон понимал, что Соединенные Штаты будут неизбежно вовлечены в борьбу за право «вершить экономические судьбы мира». Призом в этой борьбе были внешние рынки, куда можно было бы сбывать излишки — «рынки, к которым необходимо проложить дорогу посредством дипломатии, а если потребуется, то и силы»¹¹.

«Ясно, что империя опирается прежде всего на сильное правительство», — заявил он еще в 1901 г.¹² В ходе предвыборной кампании в 1912 г. Вильсон обещал, став президентом, приложить все усилия к тому, чтобы Соединенные Штаты добились «заслуженного главенства на рынках и в коммерческих делах мира»¹³. «Правительство, — добавил он в декабре 1919 г. — должно открыть ворота торговли и открыть их широко; открыть их еще до того, как это даст гарантированную вы-

⁸ Лансинг — Вильсону, 1 марта 1915 г. (793.94/240).

⁹ Эти и многие другие цитаты взяты из речей и статей президента, собранных в «Wilson MSS». Данные конкретные заявления были сделаны 23 мая, 3 января и 7 августа 1912 г.

¹⁰ Речи Вильсона 4 и 9 сентября 1912 г.

¹¹ См. W. Wilson. The Reconstruction of the Southern States. Эта работа впервые опубликована в январе 1901 г. и перепечатана в «The Public Papers of Woodrow Wilson» (N. Y., 6 vols., 1925—1927), vol. I, p. 389, 393—395. См. также W. Wilson. A History of the American People (N. Y., 5 vols., 1902), vol. V, p. 265, 274—275, 292, 294—296.

¹² W. Wilson. Public Papers, vol. I, p. 389.

¹³ В речи от 7 августа 1912 г.

году, и до того, как придется просить частный капитал сделать это стихийно»¹⁴.

Экономические идеи Вильсона неотделимы от его политических взглядов, нравственных убеждений, склонности морализировать. Экспансия, несущая благосостояние и конституционное правление тем, кто ее осуществляет, морально оправдана, тем более, что те же самые блага она несет и другим нациям. Американцы поэтому являются «стражами духа праведности и справедливости для всех»¹⁵. Вильсон откровенно благоволил тем, «кто действует в интересах мира и чести, защищает частные права и уважает обязанности, накладываемые конституцией»¹⁶, и, наоборот, был предубежден против тех, кто «проявляет непонимание конституционных процессов»¹⁷. Однако христианские убеждения, а также сформулированные им принципы американской внешней политики не позволяли ему в действительности исключить какое-либо общество из своего поля зрения. В итоге противоречие между требованиями христианской этики и интересами национальной экспансии вело к моральным терзаниям, причем дилемма еще более обострялась из-за приверженности Вильсона принципу самоопределения.

Все это помогает понять его конечное решение осуществить интервенцию в России. «Нет народа, который был бы неспособен к самоуправлению,— заметил он,— надо лишь правильно им руководить»¹⁸. А раз так, то Соединенные Штаты призваны приучать к дисциплине, воспитывать и вести отстающих и заблудших. Посему Вильсон и вознамерился «научить южноамериканские республики избирать стоящих людей», а также использовать силу и влияние США для установления в Мексике правительства, «при котором все контракты, сделки и концесии будут охраняться лучше, чем раньше»¹⁹.

Решение участвовать в «экономическом развитии Китая» в целях установления над ним широкого контроля побудило правительство Вильсона в 1915 г. оказать твердое (даже если вначале и несколько показное) противодействие японской угрозе. Вильсон не только выразил «серьезную озабоченность» вызовом Японии, но откровенно заявил о том, что намерен придерживаться «политики открытых дверей для мира»²⁰. Ясное и безоговорочное провозглашение внешнеполитической стратегии объясняет не только ответ Вильсона на двадцать одно требование Японии, но и характер дипломатии президента в целом, обнажая суть его концепции Лиги Наций, целью которой он с самого начала мыслил утверждение и соблюдение принципа «открытых дверей» как основы международных отношений.

Таким образом, если учесть природу моральных, политических и экономических взглядов Вильсона и их постоянную связь с принципом «открытых дверей», его враждебность всем и всяким революциям становится понятной. Как заключил профессор Гарли Ноттер, для мышления президента «была характерна неприязнь к неулаженным политическим делам и революции как методу управления». Не было также никаких сомнений касательно отношения Вильсона к социализму, который представлялся ему «либо крайне туманным, либо абсолютно

¹⁴ Заметки 14 декабря 1914 г., «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1914», Washington, 1924, p. 14 (далее «FR»).

¹⁵ См. A. S. Link. Wilson the Diplomatist, Baltimore, 1957, p. 15.

¹⁶ Публичное заявление 11 марта 1913 г., «Wilson Mss».

¹⁷ Вильсон — У. Б. Хейду, 16 ноября 1913 г. «Wilson Mss».

¹⁸ Замечания Вильсона в интервью с С. Г. Блайтом, «Saturday Evening Post», May 23, 1914, p. 4.

¹⁹ Вильсон — Тирреллу, 22 ноября 1913 г. «Wilson Mss».

²⁰ См. последовательно меморандум Вильсона Японии от 12—13 марта 1915 г. («FR 1915», p. 104—111); Вильсон — Брайану, 25 февраля 1915 г. (793.94/240) и Вильсон — Брайану, 14 апреля 1915 г. (793.94/294 1/2).

неосуществимым». Вывод Вильсона был недвусмысленным: «Я не верю в программу социализма». Но опасность, которую она несла, можно «преодолеть только с помощью более мудрых и лучших программ, что и является нашим гражданским и патриотическим долгом»²¹.

Антисоциализм был, таким образом, объявлен существующим компонентом американского патриотизма. Но это еще не разрешало противоречий и дилемм либерального мировоззрения Вильсона в целом, ибо по логике провозглашенных им принципов он был обязан признать за социализмом право на существование в качестве законного выражения самоопределения и считать его вполне допустимой христианской ересью. По той же логике его решимость осуществлять экспансию свободного американского предпринимательства в целях всеобщего мира и процветания, политического и духовного спасения человечества должна была умеряться ввиду усилий социалистов достичь те же цели. Однако, провозгласив антисоциализм доказательством патриотизма, Вильсон извратил смысл христианской и либеральной доктрины о праве на самозащиту, превратив ее в оправдание — а то и призыв к организации — воинственного и праведного противодействия социализму. Как мы увидим, личное отношение Вильсона к этой борьбе придает трагический смысл всей истории американской интервенции в России.

Знакомство со взглядами высокопоставленных лиц, определявших политику США по отношению к большевистской революции, позволяет сделать несколько обобщений. Во-первых, никто из них не был ни наивным, ни невинным. Они очень редко достигали успеха или терпели поражение по случайным причинам. Гораздо чаще они выигрывали потому, что вели рассчитанную игру и умело применяли имевшуюся в их распоряжении мощь; проигрывали же они тогда, когда сталкивались с сильной конкуренцией в неблагоприятных условиях. Больше того, все эти лица имели немалый опыт и в делах, и в политике, и многие из них серьезно задумывались над событиями. Они были сильны и в казуистике, необходимой как в большом бизнесе, так и в дипломатии. Их нельзя было назвать ни людьми бесчестными в обычном значении этого слова, ни лицемерами. Они были просто сильными мира сего, которые, исходя из своего опыта и наблюдений, пришли к выводу, что выкладывать в любой день и час всю правду почти всегда опасно. Поэтому они далеко не всегда говорили всю правду.

Во-вторых, вершители американской политики придавали экономике необычайно большое, если не первостепенное, значение для функционирования американской системы. Это не значит, что они были движимы мотивами личной корысти. Просто они рассматривали экономику с точки зрения интересов нации — как важнейший элемент всей системы, а также фундамент конституционного управления и высоко нравственного общества. И все они полагали, что внешняя экономическая экспансия играет важную роль в длительном и успешном функционировании системы свободного предпринимательства.

Наконец, эти люди сходились в том, что хорошее общество — и хороший мир — должны создаваться по образцу и подобию западной цивилизации, воплощением которой были, по их мнению, Соединенные Штаты того периода. Одни из них, настроенные консервативно, были заинтересованы в сохранении тех институтов, которые они считали особенно ценными. Другие склонялись к мысли о необходимости реформ в целях улучшения существующего порядка. Но все они были убежденными приверженцами действующей системы. В этом нет ничего удивительного, но, не осознав четко вышеизложенного, нельзя объяснить американскую политику в отношении большевистской революции.

²¹ См. по этим вопросам Н. S. Notter. *The Origins of the Foreign Policy of Woodrow Wilson*, Baltimore, 1937, p. 542—543, 81—82, 278, а также речи Вильсона в сентябре 1908 г. и октябре 1909 г. («Public Papers», vol. II, p. 54—55, 140—141) и, наконец, его речи от 8 сентября 1908 г. и 23 мая 1912 г. («Wilson Mss»).

II. ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ В ПРИНЦИПЕ

Большевистская революция бросила вызов американскому руководству в целом и его отдельным представителям, вызов, затрагивавший во многих важнейших областях их убеждения, идеи и цели. И любой из них прекрасно понимал это. Будучи субъективно и объективно противниками революции, они столкнулись с множеством дилемм широкого политического плана. Стоявшие перед ними трудности можно суммировать следующим образом: как эффективно противодействовать большевикам и в то же время а) не скомпрометировать собственные моральные принципы и идеологические догматы; б) не позволить под угрозой успешный исход войны против Германии; в) не позволить Японии утвердиться на таких позициях, которые дали бы ей возможность чинить препятствия политике «открытых дверей» в Китае; г) не толкнуть далеких от большевизма русских на сближение с большевиками.

Проблемы, возникшие перед американскими руководителями, были крайне сложными. Неудивительно, что Лансинг по временам приходил в уныние, а Вильсон постоянно жаловался, что русский вопрос «выжимает из него все соки».

Нельзя сказать, что для американского правительства большевистский переворот 7 ноября 1917 г. был полной неожиданностью. Фрэнсис и другие характеризовали большевиков как радикалов и более или менее подробно информировали Вашингтон об их действиях на протяжении лета и начала осени. И, во всяком случае, каждый понимал, что положение в России становится все более неустойчивым.

Лансинг серьезно задумался над опасностью этого положения 8 августа 1917 г. Он знал о «сильной оппозиции» правительству Керенского и «очень скептически» относился к шансам премьера удержаться на гребне общероссийской революции. Лансинг пришел к заключению, что эта революция была коренной и, следовательно, должна была пройти исторический цикл, присущий, по его воззрениям, всем подобным переворотам: «Во-первых, умеренность. Во-вторых, терроризм. В-третьих, восстание против новой тирании и восстановление порядка насильственными военными средствами». В данный момент налицо была «деморализация», а это значило — по крайней мере, с его точки зрения, — что Соединенные Штаты «должны быть готовы к тому, что наступит время, когда Россия перестанет быть военным фактором в текущей войне», и выжидать возможности действовать на третьей стадии революции²².

7 ноября, когда большевики пришли к власти, Лансинг серьезно изучал депешу от консула Саммерса. Отказавшись, по-видимому, от всяких надежд на Керенского еще до его окончательного свержения, Саммерс искал, на кого можно было бы положиться взамен. Он принимал в расчет «все слои русских, стоящих за законность и порядок». Это предостережение насторожило Лансинга, и он переслал его военному министру Ньютону Д. Бэйкеру с сопроводительным письмом, подтверждавшим справедливость озабоченности консула²³. Из этого эпизода ясно, как рано американцы начали заботиться об укреплении консервативных элементов в России. Но наиболее разоблачающие свидетельства немедленной реакции руководящих деятелей США на триумф большевиков в России предоставили репортеры «New York Times».

Как проведаль один из них после заседания кабинета 9 ноября, Соединенные Штаты и их союзники «почти наверняка» признают антибольшевистские силы и предложат им помощь. Одно официальное

²² Частный и конфиденциальный меморандум Лансинга о положении в России и миссии Рута от 9 августа 1917 г., «Lansing Mss».

²³ Лансинг — Бэйкеру, 7 ноября 1917 г., «Lansing Mss».

лицо заметило, что с большевиками будут обращаться как с «международными париями»; другое сделало поразительное и в конечном счете оправдавшееся предвидение, что Владивосток, вероятно, будет использован в качестве главной базы для действий против большевиков. Больше того, на следующий день тому же репортеру было сказано, что «по логике вещей помощь России будет прекращена до тех пор, пока не свергнут большевиков»²⁴. Так оно и вышло — помощь кончилась.

Дальнейший свет на образ мышления и политику правительства проливает речь Вильсона на очередном ежегодном съезде Американской федерации труда 12 ноября 1917 г. В целом он говорил о необходимости умножить усилия для скорого достижения победы и, в частности, призвал рабочих напрячь свои силы и выдать горы оружия и боеприпасов. Радикалы, сеявшие смуту среди рабочих, приносили, по его мнению, много хлопот; те же из них, которые хотели кончить войну до разгрома Германии, были особенно опасны. В этой связи президент упомянул о большевиках, назвав их «незнайками» (ill-informed). Затем он заклеил американских пацифистов (и прочих критиков войны), демагогически назвав их «столь же пустыми, как и русские фантазеры»²⁵. В общем, отношение Вильсона к большевикам не требует особых пояснений. Оно было враждебным.

Интервенция как сознательная антибольшевистская акция была для американских руководителей решенным делом уже через пять недель после прихода большевиков к власти. Так, например, 19 ноября посол Фрэнсис публично воззвал к русскому народу «устранить все помехи» со своего пути²⁶. Неделью спустя Саммерс предупредил Лансинга, что, верные идеям радикального социализма, большевики «возбуждают пролетариат против послушных закону граждан». Требовалось немедленное действие: «Я настоятельно советую... протестовать против нынешнего режима»²⁷. А 1 декабря 1917 г. межсоюзническая конференция в Париже начала трехдневное обсуждение интервенции в Сибири как средства наладить доставку припасов антибольшевистским силам на юге России.

В этот период, когда открытые проявления враждебности большевикам принимали все более систематический характер, англичане внесли предложение, ставшее основой хитроумной стратегии обсуждать действия против большевиков на эзоповом языке. 22 ноября Лондон предупредил, что «любой открытый шаг против большевиков может только укрепить их решимость заключить мир и быть использован для возбуждения антипатий к союзникам в России, что сорвало бы наши планы»²⁸. Полковник Эдвард Хауз, один из наиболее влиятельных советников в личном окружении Вильсона, согласился с этой стратегией. Он был особенно озабочен возможными последствиями ряда откровенно антибольшевистских выпадов в Соединенных Штатах и нападками на революционеров вообще. Поэтому он посоветовал 28 ноября Вильсону и Лансингу изменить форму выражения своих чувств. «Необычайно важно приглушить подобную критику, — пояснил он. — Если Антанта и мы будем выражать такие взгляды в данное время, мы толкнем Россию в объятия Германии»²⁹.

Эти события позволяют поставить общий вопрос о взаимоотношении хода войны и развертывания интервенции против большевиков. Если выразаться более точно, следует выяснить, как обязательство

²⁴ «New York Times», November 10 and 17, 1917.

²⁵ «New York Times», November 12, 1917.

²⁶ D. R. Francis. Russia From the American Embassy, N. Y., 1921, p. 173—177.

²⁷ Саммерс — Лансингу, 26 ноября 1917 г. (816.00/736).

²⁸ «War Memoirs of David Lloyd George», London, 1936, vol. 5, p. 2526

²⁹ Хауз — Вильсону, 28 ноября 1918 г., «Wilson Mss».

вести войну с Германией до победного конца влияло на американскую политику по отношению к большевикам. Неоспоримо, что война с Германией ограничивала количество войск, которые США (равно как и другие страны Антанты, участвующие в военных действиях в Европе) могли использовать для прямой интервенции. К тому же американское военное руководство постоянно противилось интервенции, опасаясь ослабить западный фронт.

Но главное в том, что президент Вильсон, приняв решение осуществить интервенцию, отверг эти чисто военные соображения. Больше того, это произошло в конце весны — начале лета 1918 г., когда американские войска сдерживали сильный натиск немцев и готовились перейти в решающее контрнаступление. Действительно, вряд ли можно переоценить тот факт, что Вильсон принял решение о вторжении американских войск в Россию до того как немцы были остановлены во второй битве на Марне (18 июля — 6 августа 1918 г.).

Неоспоримо также, что союзники и Соединенные Штаты хотели поддерживать военное давление на немцев с Востока. С этой целью они оказывали сильное воздействие на правительство Керенского вплоть до часа его падения. Но правительство США упорно отказывалось от попыток достичь той же цели путем хотя бы кратковременного сотрудничества с большевиками. В этом смысле — что особо важно — стратегические цели войны отступали на второй план перед стратегической борьбой с большевизмом.

Следует отдать отчет в том, что ни англичане, ни полковник Хауз не возражали против политики противодействия большевикам и даже не предлагали видоизменить ее. Они советовали лишь намеренно скрыть тот факт, что эта политика была антибольшевистской, ибо осознание его общественностью могло привести к неприятным последствиям. Больше того, к большевикам относились как к революционерам. Никто не предполагал и не утверждал, что они были агентами германского правительства. Полковник Хауз и другие попросту боялись, что открытая вражда заставит большевиков прийти к тому или иному соглашению с немцами.

Лансинг понял суть этих соображений и моментально согласился с ними. Но никто из советчиков не внес каких-либо конкретных предложений, как же именно следует обходиться с большевиками в публичных выступлениях. Лансинг решил эту проблему самым простейшим способом. Он начал говорить о большевиках, употребляя выражение «немецкая интрига»³⁰. Его дневник свидетельствует, что в действительности он вовсе не считал большевиков агентами Германии. В известном смысле он попросту ссылался на возможную опасность, стремясь тем самым предотвратить ее. С другой стороны, он готовил базу для американского вмешательства, в своих описаниях смешивая из чувства страха то, что большевики могли предпринять в ответ на американские действия, с тем, что они действительно делали. Возможно, это было первое явление такого рода в американско-советских отношениях, но, уж, конечно, никак не последнее.

В результате американские должностные лица стали употреблять двойную терминологию в отношении большевиков — последние были «германскими агентами» в официальных публичных заявлениях и «опасными социальными революционерами» в частных беседах. Руководители США также склонялись к тому, что действия большевиков косвенно содействуют целям Германии, по крайней мере военным, и порой заявляли об этом. Но они никогда не переставали взирать на большевиков как на радикальных революционеров.

³⁰ Лансинг — Фрэнсису, 1 декабря 1917 г. (861.00/1008а).

Если уж на то пошло, Лансинг очень быстро усомнился в мудрости совета, данного Хаузом и англичанами. Он предпочитал публично бороться с большевиками, не скрывая истинных причин вражды к ним. Между 2 и 4 декабря он подготовил длинный меморандум, определивший основу американского антибольшевизма. В нем говорилось, что Соединенные Штаты придерживались «принципа демократии и общественного порядка, основанного на свободе». Большевики бросили открытый вызов этой уникальной системе, «открыто заявив о решимости свергнуть все существующие правительства и в каждой стране установить на руинах деспотию пролетариата». В качестве первого шага Лансинг предложил резкую публичную декларацию о противодействии им, за которой должно было последовать заявление о непризнании большевистского правительства³¹.

Свои доводы Лансинг представил Вильсону 4 декабря. Он писал в своих мемуарах, что Вильсон «счел неудобным выступить с такого рода декларацией в то время. Тем не менее он в принципе одобрил мою позицию и указал, что наши отношения с Россией и оценку русской ситуации надо базировать на ней». Рэй Стэннард Бэйкер, один из ближайших сподвижников Вильсона и его официальный биограф, подтверждает эти воспоминания Лансинга³². Подтверждаются они и последующим ходом событий. Так, 6 декабря Лансинг сообщил Фрэнсису и другим американским представителям за границей: «Президент хочет, чтобы американские представители прервали все прямые сношения с большевистским правительством»³³.

Некоторые комментаторы и особенно Джордж Фрост Кеннан ищут объяснение отказа Вильсона действовать по совету Лансинга в его речи 4 декабря, испрашивавшей согласия конгресса объявить войну Австро-Венгрии. Кеннан утверждает, что Вильсон не хотел ослабить воздействие этой речи. В этом есть доля правды, но ведь президент мог сделать заявление о России и через несколько дней. Не сделал же он его, вероятно, потому, что послушался советов Хауза. Он называл большевиков «участниками немецкой интриги», которые «сбивают с пути русский народ»³⁴.

Похоже, что Вильсон благожелательно отнесся к предложениям Хауза потому, что они давали ему какой-то выход из противоречий его собственной идеологии. Большевицкая революция обострила эти противоречия, и Вильсон, по-видимому, испытывал жестокие душевные терзания. С одной стороны, он был убежденным противником социализма; с другой, — объявлял, что «решительно и целиком поддерживает право каждого народа распоряжаться своей собственной судьбой и своими делами»³⁵.

Однако, именуя большевиков немецкими агентами, президент получал возможность примирить свои принципы с отказом им в праве на самоопределение. Вследствие этого он считал их скорее орудием внешнего влияния, чем организаторами внутренней революции. Вместо того, чтобы одобрить программу большевиков, а то и помочь им «распорядиться своей судьбой и своими делами», Вильсон мог теперь бороться с большевиками на том основании, что они сами попрали принцип самоопределения.

³¹ «War Memoirs of Robert Lansing», N. Y., 1935, p. 331. 339—343.

³² Там же, стр. 345; R. S. Baker. Woodrow Wilson Life and Letters, Garden City, 1937, vol. II, p. 391.

³³ Лансинг — Фрэнсису, 6 декабря 1917 г. (861.00/796a).

³⁴ См. «Послание о войне» Вильсона, «Wilson Mss».

³⁵ Woodrow Wilson. The New Democracy: Presidential Messages, Addresses and Other Papers (1913—1917), N. Y., 1926, vol. II, p. 2.

Но, конечно, вся эта публичная риторика не могла изменить факты или помочь решить реальную дилемму. Свидетельства убеждают, что Вильсон понимал это не хуже, если не лучше других. Как он признавался 6 декабря Линкольну Колькорду, огромная масса поступающей к нему информации характеризовала большевиков радикальными революционерами, а не немецкими агентами ³⁶⁻³⁹.

К этому времени Лансинг и Вильсон выработали основы стратегии американской интервенции, направленной против большевиков. 7 декабря Лансинг вновь дал обзор общего положения в России ⁴⁰. Он характеризовал большевизм как «деспотию пролетариата» и заявлял, что «для правительства, которое верит в существующие политические институты и поддерживает национальное единство и частную собственность, правильной политикой будет отвернуться от этих опасных идеалистов и не иметь с ними никаких дел». Считая большевиков нарушителями принципа «международной добродетели», стремившимися «установить господство невежественных и неспособных масс человечества над миром», он отбрасывал слухи о том, что они были германскими агентами: «Я не могу совместить эти предположения с их некоторыми действиями».

Затем, оценив текущую ситуацию под углом зрения своей теории о трех стадиях революции, Лансинг назвал генералов Алексеева и Каледина главными кандидатами на роль «сильной железной личности», которая организовала бы «дисциплинированную армию» с целью «восстановить порядок и учредить правительство», способное вывести Россию в пореволюционную стадию из «черного периода терроризма» общероссийской революции, начавшейся в марте 1917 г.

Призыв Лансинга действовать был очень быстро подхвачен двумя людьми, к чьему мнению прислушивались. Первым из них был Саммерс, приславший 9 декабря государственному секретарю отчет о подробном обсуждении проблем борьбы с большевиками, которое он имел с близкими помощниками Алексеева и Каледина. Саммерс был убежден, что последние станут силой, «достаточной для восстановления порядка», если получат официальное благословение и материальную поддержку США и Антанты. Сам консул настоятельно советовал оказать им эту поддержку ⁴¹. В тот же день после ужина Лансинг долго обсуждал ситуацию с майором Стэнли Уошберном, поддержавшим Саммерса. Совместное влияние этих двух людей убедило Лансинга в том, что представляется случай приблизить третью стадию революции в России.

Утром следующего дня, 10 декабря, Лансинг предложил Вильсону план действий, который предусматривал ликвидацию «большевистского господства» путем «военной диктатуры, поддержанной лояльными дисциплинированными войсками». По совету Саммерса (который он передал Вильсону) Лансинг высказывался за кандидатуру Каледина: «Единственным реальным ядром организованного движения, достаточно сильного, чтобы сместить большевиков и взять власть, представляется группа офицеров генерального штаба во главе с генералом Калединым», который «по всей вероятности, получит поддержку кадетов, всей буржуазии и помещиков» ⁴².

Ответ Вильсона был положительным. Вечером 11 декабря он в течение часа двадцати минут обсуждал это предложение с Лансингом. В дневнике государственного секретаря записано: «рассмотрели ситуацию в России и особенно крепость калединского движения» ⁴³. Было решено помочь антибольшевистским силам, и на следующий день Лан-

³⁶⁻³⁹ Колькорд — Вильсону, 6 декабря 1917 г.; Вильсон — Колькорду в тот же день, «Wilson Mss»; Рейнш — Лансингу, 15 декабря 1917 г. (861.00/822).

⁴⁰ Меморандум Лансинга о положении в России, «Lansing Mss».

⁴¹ Саммерс — Лансингу, 6 декабря 1917 г. (763.72/8033).

⁴² Лансинг — Вильсону, 10 декабря 1917 г. (861.00/807a).

⁴³ Запись в настольном календаре от 12 декабря 1917 г., «Lansing Mss».

синг запросил о финансовых возможностях секретаря казначейства Вильяма Мак-Аду. Деньги нашлись, и тот сообщил: «С моей стороны возражений нет»⁴⁴. Президент, жаждавший «немедленных» действий, тут же санкционировал операцию: «Целиком поддерживаю»⁴⁵.

Ознакомление с высказываниями творцов американской политики показывает, что решение об интервенции было продиктовано их враждебной радикальной природе большевистской революции. Иными словами, их стратегия была контрреволюционной. Лансинг подчеркнул, что любое движение оппозиции «следует поддержать, даже если мало шансов на его успех»⁴⁶. Даже Кеннан признает, что интервенция была следствием «важного принципиального решения»⁴⁷.

Однако Лансингу не удалось убедить Вильсона вести борьбу против большевиков в открытую, отвергая в принципе их радикализм. В результате риторика по-прежнему основывалась на ноябрьских предложениях Хауза и англичан. Действовать следовало секретно, под прикрытием фраз о необходимости укреплять восточный фронт в войне с Германией⁴⁸.

Но такая тактика интервенции не должна вводить в заблуждение относительно стратегической основы принятых решений. Ставить вопрос, не была ли на самом деле интервенция антинемецкой или антияпонской, значит не понимать самой сути дела. Ведь действия в России, направленные против Германии или Японии, могли быть предприняты в сотрудничестве с большевиками. Американские руководители знали, что такая возможность имеется, и время от времени кокетливо спрашивали себя, нельзя ли строить на ней политику. Но каждый раз они неизменно отвергали эту возможность по той причине, что борьба с большевиками представляла для них наибольшую важность. Антибольшевизм был главным двигателем американской интервенции в России, интервенции, которая в принципе была решенным делом еще между 10 и 12 декабря 1917 г.

III. РЕШЕНИЕ ОБ ИНТЕРВЕНЦИИ ПОДТВЕРЖДЕНО

Лица различных убеждений в США высказывали сомнения насчет политики противодействия большевикам. Два наиболее влиятельных критика исходили при этом из собственного опыта, накопленного в России. Первый из них — полковник Уильям В. Джадсон — был американским военным атташе. Другой — Рэймонд Робинс, преданный сторонник Теодора Рузвельта, отправился в Россию по личному выбору Рафа Райдера с миссией Красного Креста, чтобы оказать невоенную помощь правительству Керенского, а также помочь ему политическими советами и поддержкой. Впоследствии Робинс возглавил эту миссию и быстро стал полуофициальным посредником между Соединенными Штатами и большевиками.

Робинс и Джадсон были убеждены, что главная цель Америки — поражение Германии и установление прочных взаимоотношений с Россией — зависели от признания и поддержки ею большевиков. Они не были ни радикалами, ни теми, кого позже стали называть попутчиками. Но они видели размах революции, верно оценивали шансы большевиков удержать власть, знали, что, сталкиваясь со все возрастающими трудностями, большевики были склонны обратиться за помощью к Со-

⁴⁴ Там же; также Мак-Аду — Лансингу, 12 декабря 1917 г. (861.00/804d).

⁴⁵ Лансинг — Вильсону, 12 декабря 1917 г. (включая Лансинг — Пулю, 13 декабря) и Вильсон — Лансингу, 12 декабря 1917 г. (оба 861.00/804d).

⁴⁶ Лансинг — Кросби, конфиденциально, 12 декабря 1917 г. (861.00/804d).

⁴⁷ G. F. Kennan. *Russia Leaves the War*, Princeton, 1956, p. 178.

⁴⁸ Лансинг — Кросби, конфиденциально, 12 декабря 1917 г. (861.00/804d).

единенным Штатам. Робинс и Джадсон хотели извлечь из этой возможности все непосредственные и дальние выгоды.

Оба они знали о планах помощи Каледину и решительно против них возражали. Джадсон предостерегал 17 декабря, что это было бы «совершенно тщетно и неблагоприятно». Большевики не были германскими агентами, и они понимали, что германские происки в России представляли смертельную угрозу для их революции. Поэтому верная и эффективная стратегия состояла в поддержке большевиков против немцев⁴⁹. Вместе с аналогичными доводами Робинса, старания Джадсона вынудили Фрэнсиса смягчить свою антибольшевистскую позицию.

Установить смысл действий Фрэнсиса с полной достоверностью вряд ли возможно. Впоследствии он утверждал, что все время вел двойную игру с намерением усилить Красную Армию и повернуть ее затем против большевиков. Возможно, так оно и было. Но, возможно, Фрэнсис просто маневрировал, чтобы добиться от Вашингтона более твердого ответа, который позволил бы ему обуздать Робинса и Джадсона. Возможно также, что на время у него возникли серьезные сомнения относительно правильности официального курса. Во всяком случае, он сообщил Лансину 24 декабря, что «большевики, несомненно, обладают наибольшей властью в России». По этой причине, а также ввиду растущей тревоги большевиков в связи с немецкой угрозой и их враждебности к немцам, наконец, учитывая признаки заинтересованности Ленина в американской помощи, Фрэнсис заявил, что он «готов проглотить свою гордость, принести в жертву собственное достоинство и, приняв все меры предосторожности... [установить] отношения с Советским правительством... [дабы] повлиять на условия мира»⁵⁰.

С этой депеши начинается период некоторых колебаний и пассивности американской политики, закончившийся в середине февраля 1918 г., когда Вильсон и Лансинг твердо подтвердили свое намерение осуществить интервенцию против большевиков. Первая реакция Лансинга на телеграмму Фрэнсиса, предлагавшую начать переговоры с большевиками, была: продолжать действия в духе принятого решения об интервенции. Он сразу же переговорил с Польком «насчет большевистской угрозы миру», предупредил своего агента в Южной России быть предельно осторожным в переговорах о поддержке Каледина и затем занялся проблемой сдерживания Японии, желавшей использовать антибольшевистскую политику в качестве трамплина для дальнейшей экспансии в Азии⁵¹.

Государственный секретарь встретился с японским послом 27 декабря, и его слова говорят сами за себя: «Я сообщил ему, что с точки зрения нашего правительства было бы неразумно как для Соединенных Штатов, так и для Японии послать войска во Владивосток, поскольку это, несомненно, приведет к объединению русских вокруг большевиков против иностранной интервенции»⁵².

Эти тактические маневры стратегии антибольшевизма сулили большие преимущества, в частности, мешали большевикам апеллировать к русскому национализму. Но при осуществлении их возникало много трудностей. Американских политиков буквально бомбардировали требованиями более решительных действий против большевиков⁵³. Переслав в США большевистский призыв к мировой революции, Фрэнсис,

⁴⁹ Сообщение Джадсона в Военный колледж 17 декабря 1917 г. (Record Group 120; File № 10220—D—58); см. также записи в настольном календаре Лансинга за этот период.

⁵⁰ Фрэнсис — Лансину, 24 декабря 1917 г. (861.00/864).

⁵¹ Запись в настольном календаре Лансинга ст 26 декабря 1917 г., «Lansing Mss».

⁵² Запись беседы Лансинга с японским послом Сато 27 декабря 1917 г. (861.00/877 1/2).

⁵³ Саммерс — Лансину, 29 декабря 1917 г. (861.00/894).

естественно, не разрядил обстановку и не умерил беспокойство⁵⁴. Немного проку в этом отношении было и от Майлса. Эксперт госдепартамента начал новый год с длинного меморандума, рекомендовавшего всего-навсего не отступать от принципиального решения, принятого в декабре. Его формулировка («продолжать... поддерживать элементы законности и порядка на юге... не вынуждая Россию вести гражданскую войну») могла лишь усугубить драматизм сложившегося положения⁵⁵.

Вильсон мог заявить, как он это и сделал, что меморандум предлагает «здравую политику», но это не решало всех проблем⁵⁶. А давление возрастало с каждым днем. В ответ на призывы оказать активную поддержку противникам большевиков Вильсон вскоре согласился отправить во Владивосток крейсер «Бруклин», чтобы продемонстрировать свою силу перед радикалами и тонко предостеречь японцев. Однако не успели еще осуществить эту акцию, как Лансинг снова призвал к открытой антибольшевистской политике. Возбужденный призывом большевиков к миру, который был передан Фрэнсисом, Лансинг возопил о «фундаментальных ошибках» радикалов и потребовал быстрых и эффективных контрмер. Большевики, предостерегал государственный секретарь, апеллировали «не ко всем классам общества, а к одному классу неимущих, которые надеются получить выгоду не путем частного предпринимательства, а взяв в свои руки власть. Это, конечно, представляет прямую угрозу существующему социальному порядку во всех странах». Опасность крылась в том, что большевики получали возможность «воздействия на рядового человека, который не разглядит фундаментальных ошибок». Кроме того, они угрожали разрушить принцип национализма, выдвигая «доктрину, которая ставит класс выше общего понятия национальности... Такая теория представляется мне чрезвычайно губительной для политического устройства общества, она приведет к постоянным беспорядкам и изменениям». «Ввиду угрозы существующим институтам» секретарь просил Вильсона рассмотреть возможность прямого противодействия большевикам. Он был «убежден» в полной невозможности какого-нибудь сотрудничества с последними⁵⁷.

Письмо Лансинга было убедительным. Но вновь выдвинутые доводы, согласно которым следовало бороться с немцами, помогая большевикам, напомнили президенту о его моральных и идеологических терзаниях⁵⁸. Поэтому Вильсон снова отсрочил решительные действия.

Тогда Лансинг немедленно контратаковал своих соперников. Прежде всего он переговорил с военным министром «о русской ситуации». Одной из его задач было ускорить отзыв из России военного атташе Джадсона, который решительно критиковал официальную политику. Затем Лансинг и Бэйкер совместно с министром Военно-морского флота Дэниэльсоном в течение 40 минут обсуждали русский вопрос с Вильсоном⁵⁹.

⁵⁴ Колдуэлл — Лансингу, 1 января 1918 г. (направлено Вильсону), «Wilson Mss». Фрэнсис — Лансингу, 1 января 1918 г. (861.00/935 1/2).

⁵⁵ Меморандум Майлса государственному секретарю от 1 января 1918 г. (861.00/935 1/2).

⁵⁶ Вильсон — Лансингу, 1 января 1918 г. (861.00/935 1/2).

⁵⁷ Вильсон — Лансингу, 20 января 1918, «Wilson Mss»; Лансинг — Дэниэльсу, 3 января 1918 г. и Лансинг — Вильсону 2 января 1918 г. (оба документа см. «Lansing Mss»).

⁵⁸ Письмо Уильяма Буллита, включавшее «Меморандум о нынешней враждебности большевиков... германскому правительству», от 3 января 1918 г. (763.72119/1269 1/2) с предложением краткосрочного сотрудничества с большевиками вызвало целый переполох в госдепартаменте. См. Филлипс — Лансингу, 4 января 1918 г. (763.72119/1269 1/2).

⁵⁹ Заметки в настольном календаре Лансинга от 4 января 1918 г., «Lansing Mss».

Конечным результатом этого и других совещаний, состоявшихся в последующие десять дней, было (помимо отзыва Джадсона) подтверждение существующей политики, выраженное, однако, не ранее, чем Вильсон перенес еще один из своих периодических кризисов. Обращение большевиков ко всем странам предвосхитило давно вынашиваемую Вильсоном международную программу мира. Трудно сказать, когда президент произнес бы свою речь от 8 января 1918 г., содержащую знаменитые «четырнадцать пунктов», если бы большевики не воззвали к миру, но бесспорно, что в данном виде его речь была тесно связана с политикой по отношению к революции в России.

Как признал Вильсон в часто цитируемой удивительной фразе, политика по отношению к России была «серьезным испытанием» идей и намерений США и Антанты. Он откровенно изложил главные элементы стоявшей перед ним дилеммы. Соединенные Штаты должны предоставить России «возможность беспрепятственно и независимо определить свой путь политического развития и национальную политику», а также оказать ей «поддержку любого вида, в которой возникнет потребность и которая будет для нее желанной». Только так США и их союзники могли продемонстрировать «понимание ее нужд, отличных от их собственных интересов, и свое разумное, бескорыстное сочувствие». Эти замечания являются классическим подтверждением того, что президент лично глубоко переживал роковую дилемму, обусловленную противоречием между его принципами и предубеждениями.

Взятая в отрыве от других документов, проливающих свет на ее суть и значение, речь Вильсона может быть истолкована как проявление колебаний и болезненной неспособности президента решиться на твердое осуществление антибольшевистской стратегии, выработанной 12 декабря 1917 г. Однако в своем историческом контексте речь скорее свидетельствует о склонности Вильсона изменять своим принципам, когда они ограничивали власть и экспансию Америки. Ибо как отметил еще полковник Хауз, президент «ненавидел» большевиков и пытался апеллировать к населению России через них и помимо них. Мнение Хауза вскоре подтвердила публичная полемика о значении речи президента в выработке политики по отношению к большевикам.

Борьба началась, когда Уильям Бойс Томпсон, промышленник и финансист, сильный и влиятельный друг Робинса, заявил в одной из газет, что Вильсон будет стремиться к некоторому урегулированию с большевиками. Это утверждение немедленно и категорически опроверг Уоллинг, который был в курсе взглядов Вильсона на русские дела. «Совершенно невероятно», что большевистское правительство «будет признано Америкой», утверждал он, разъясняя слова президента. А немного погодя, когда Уоллинг внушал Вильсону, что помогать большевикам значит «играть с огнем», президент заметил Лансингу: в этом предостережении «необыкновенно много правды», оно «прекрасно обосновывает необходимость крайней осторожности» в принятии политических решений⁶⁰.

Причиной, по которой американская интервенция против большевиков на протяжении многих месяцев носила обманчиво пассивную форму, был не отказ Вильсона от этой политики. Расчет строился на том, что антибольшевистские силы в России сами нанесут поражение радикалам. Как сообщал Лансинг союзникам 16 января, американское руководство все еще опасалось, что прямое военное вмешательство «оскорбит тех русских, которые ныне симпатизируют целям и стремлениям Соединенных Штатов и их союзников в этой войне и объединит против них (и в поддержку большевиков) все партии в Сибири»⁶¹.

⁶⁰ C. Seymour (ed.). *The Intimate Papers of Colonel House*, N. Y., 1928, vol. III, p. 331. Статью Уоллинга см. «New York Times», January 14, 1918.

⁶¹ Лансинг — Жуссерану 16 января 1918 г. (861.00/945); Польк — Вильсону, 18 января 1918 г. (861.00/977—988); Польк — Моррису, 20 января 1918 г. (861.00/945).

Вильсон продолжал проявлять беспокойство, когда кто-нибудь выступал с альтернативным предложением продолжать давление на немцев и удерживать японцев, сотрудничая с большевиками, но неизменность его принципиальной позиции подтвердил его положительный ответ на рекомендации президента Американской федерации труда Самуэля Гомперса и Уоллинга проводить воинственно антибольшевистскую политику⁶².

Меморандум Гомперса-Уоллинга от 9 февраля 1918 г. пришел в то время, когда Вильсон был особенно утомлен военными делами и русской проблемой. «Я не знаю, пришло ли мне когда-либо вести более изнурительную борьбу с зыбучими песками, чем при попытках найти верный подход к нашим делам с Россией», написал он сенатору Джону Шарпу Вильямсу⁶³. Поэтому демарш Гомперса, резко и определенно выступившего против признания большевиков и любых переговоров с ними, мог оказаться весьма обнадеживающим. То же самое предлагал и Лансинг, но на этот раз совет шел с другой стороны классового водораздела. И государственный секретарь был несомненно обрадован реакцией президента: «Меморандум заслуживает тщательного рассмотрения», он «прекрасно обосновывает необходимость крайней осторожности в ведении многих беспокойных дел», связанных с Россией.

Были, однако, свидетельства, что критики Лансинга приобретают все большее влияние. Фрэнсис встревожил госдепартамент, уведомив 7 февраля начальство о том, что он «пытается постепенно наладить деловые отношения» с большевиками. Что бы ни имел в виду посол, Майлс расценил эту новость как признак опасного развития. «Это означает, — предостерегал он, — что посол налаживает контакты с большевистским правительством. Потребуется ли ему указания?». Как человек, всегда считавший Робинса выскочкой, которому следует указать его место, Майлс не питал никаких сомнений насчет источника всех тревожений. «Я прихожу к выводу, что посол находится под сильным влиянием Робинса и может сесть в лужу, если мы не будем на страже»⁶⁴.

Лансинг предпринял быстрые действия, чтобы предотвратить такую возможность и утвердить верный курс. Он прямо сообщил Фрэнсису, что Соединенные Штаты «ни в коем случае не готовы официально признать большевистское правительство»⁶⁵. Затем он снова разъяснил англичанам, что военные действия в Сибири были бы «особенно неблагоприятны», поскольку они привели бы к «отчуждению от нас значительной части населения в России»⁶⁶. Но, повторив этот аргумент, государственный секретарь оговорил, что такие действия были бы неразумны «теперь»⁶⁷. Это предостережение показывало, что форма интервенции

⁶² Гомперс — Вильсону, 9 февраля 1918; Вильсон — Гомперсу, 21 января 1918, «Wilson Mss». См. также «The Papers of Samuel Gompers» в отделе рукописей Исторического общества штата Висконсин в г. Мэдисон, содержащие многочисленные свидетельства антибольшевистской позиции Гомперса.

⁶³ Вильсон — Вильямсу, 6 февраля 1918 г., «Wilson Mss».

⁶⁴ Фрэнсис — Лансингу, 5 февраля (получено 7 февраля) 1918 г. (861.00/1064). В действительности на Фрэнсиса оказывали влияние офицеры американской армии Кейт и Риггс. Оба они пришли к выводу, что большевики останутся у власти и что Соединенные Штаты должны помочь их сопротивлению немцам. Риггс совершенно недвусмысленно добавлял в своем сообщении от 28 января 1918 г., что большевики были склонны к сотрудничеству с США. См. также военный доклад Кейта от 28 января 1918 г. Оба документа хранятся в Record Group 165 (F. 6497—367).

⁶⁵ Лансинг — Фрэнсису, 14 февраля 1918 г. (861.00/1064).

⁶⁶ Меморандум Лансинга британскому посольству от 8 февраля 1918 г. (861.00/1097); см. также Лансинг — Пейджу, 13 февраля 1918 г. (861.00/1066).

⁶⁷ Лансинг — Пейджу, 13 февраля 1918 г. (861.00/1066). В этом сообщении Лансинг сам подчеркивает значение слова «теперь», разъясняя, что Соединенные Штаты «не потеряли надежду на то, что изменения к лучшему произойдут без иностранной интервенции».

была делом тактики. Тактика же видоизменялась в соответствии с обстоятельствами, и американское правительство скоро изменило ее, пытаясь найти путь более решительной, открытой интервенции против большевиков.

IV. ПЕРИОД МАНЕВРОВ И КОЛЕБАНИЙ

Бурное проявление глубоко антисоветских настроений американских руководителей в феврале 1918 г. еще более усилило убежденность Вильсона в необходимости вмешиваться в русские дела. С этого времени проблема заключалась в том, чтобы найти такой способ действий против большевиков, который помог бы разрешить или смягчить стоящую перед ним моральную дилемму, оказать эффективный отпор революции и в то же время помешать Японии использовать интервенцию для ослабления или тем более подрыва политики «открытых дверей» в Азии.

Неудивительно поэтому, что Вильсон и Лансинг отвергли серьезное предложение французов попытаться договориться с большевиками — и отвергли мгновенно, без колебаний. Разительное изменение прежнего благожелательного отношения французских политиков к военной интервенции было вызвано явными свидетельствами того, что большевики нуждались в помощи Антаты против немцев и желали ее. Пытаясь разобраться в сути и смысле революции как таковой, французский военный аташе Жак Садуль всячески стремился убедить свое начальство в России и Париже в том, что сотрудничество с большевиками является наиболее разумной и обещающей политикой для Франции. Горячие и в то же время весьма логичные и убедительные доводы Садуля на какое-то время возымели действие. Французское правительство отказалось от воинственно антибольшевистской позиции, поддержало переговоры Садуля с большевиками и формально запросило США, не согласятся ли они сотрудничать с последними⁶⁸. Американские руководители обсудили французское предложение 19 февраля; это обсуждение было проникнуто духом яро антибольшевистского меморандума, уже подготовленного Майлсом.

Майлс писал, что Соединенные Штаты определяют демократию как «политическую свободу народа»; по мнению же большевиков, демократия основывалась на «равной экономической свободе для всех». Его заключение было недвусмысленным: «По сути эти две концепции отличаются друг от друга, как белое от черного. Бесплезно пытаться примирить их, как делают многие. Они целиком противоположны и не могут быть примирены». Взгляды большевиков «революционны в самом глубоком смысле этого слова», сами же выразители этих взглядов «гоняются за призраками»⁶⁹. Ясно — и это следует подчеркнуть, — что американское правительство было столь же непреклонно и столь же решительно, сколь были — если верить его обвинениям — и большевики. Но именно большевики проявили больше гибкости, больше стремления отрешиться от своей теоретической предубежденности в вопросах сотрудничества с капиталистическими странами.

Результаты обсуждения французского предложения полностью соответствовали логике и тону меморандума Майлса. Никакой переоценки ценностей не произошло. Но анализ Майлса укрепил единодушие антибольшевистских настроений. Лансинг лично передал послание французам Вильсону. Его краткие карандашные заметки подтверждают характер этих настроений: «Об этом не может быть и речи. Отдано пре-

⁶⁸ Данные о Садуле взяты из материалов Национального архива, а также из недавних бесед с Гарви Гольдбергом, имевшим доступ к рукописным источникам во Франции. См. также W. A. Williams, *American—Russian Relations 1781—1947*, N. Y., 1952, p. 133—135.

⁶⁹ Доклад Майлса («Department of State Confidential Periodical Report on Matters Relating to Russia, No. 9, February 19, 1918»), «Lansing Mss».

зиденту, который говорит то же самое»⁷⁰. Конечно, американское правительство было заинтересовано в возобновлении сопротивления немцам на Восточном фронте, но его антипатии к большевикам были сильнее антипатий к Германии.

У Робинса не было точных сведений об этом принятом в середине февраля решении, и его попытки добиться сотрудничества с большевиками достигли кульминационной точки между 22 февраля, когда большевистский Центральный Комитет проголосовал за принятие помощи от Антанты (причем голос Ленина был решающим)⁷¹, и 5 марта, когда Робинсу была вручена специальная нота с запросом, может ли Советское правительство рассчитывать на поддержку США.

Есть некоторые свидетельства, что полная копия этого документа не попала в Вашингтон до ратификации большевиками брест-литовского договора о мире с Германией. Но даже если это так, а свидетельства не вполне убедительны, данная задержка имела гораздо меньшее значение, чем представляют дело такие авторы, как Кеннан. Американское правительство уже совершенно определенно знало о заинтересованности большевиков в получении помощи Соединенных Штатов. Больше того, американские военные представители в России сообщали в Вашингтон, что ратификация мирного договора с Германией не мешала последней возобновить наступление — равно как и большевикам сопротивляться.

Послание Вильсона Съезду Советов 10 марта не оставило никаких сомнений в том, что у него не было намерений даже изучить возможности сотрудничества с большевиками⁷². Он прямо заявил русскому народу, что, несмотря на большое сочувствие к выпавшим на его долю испытаниям, Соединенные Штаты не собираются помогать ему через посредство большевистского правительства. Далее он прозрачно намекнул, что большевики находятся в союзе с Германией.

После того как их предложение о сотрудничестве с большевиками было отвергнуто, французы вновь стали понукать Вильсона организовать в той или иной форме интервенцию в Сибирь. Англичане поддерживали эту кампанию с целью сломить сопротивление президента. И, естественно, японцы по-прежнему стремились добиться разрешения двинуться на азиатский материк. Давление на Соединенные Штаты было, таким образом, мощным само по себе; к тому же оно подкреплялось рядом политических и психологических факторов. Например, поскольку Вильсон возражал против прочих предложений Антанты, он, видимо, чувствовал, что согласие на интервенцию в какой-либо форме укрепит его политические позиции. Психологический фактор выражался в том, что и Вильсон, и Лансинг были явно утомлены ведением сложных международных дел и особенно по русскому вопросу. Отвергнув идею сотрудничества с большевиками, они вполне могли поддаться настроению и очерта голову броситься вперед.

Но и в этом случае мотивами политической целесообразности и апатией не исчерпывались все причины, побудившие Вильсона одобрить японскую интервенцию в феврале. И он, и Лансинг, по-видимому, пришли к выводу, что Япония предпримет какие-то шаги независимо от согласия США или Антанты. «Лично я убежден, что Япония в любом случае намерена вторгнуться в Сибирь», — писал Лансинг прези-

⁷⁰ Комментарии Лансинга на копии депеши о предложении французов, посланной ему Филиппсом 19 февраля 1918 г. (861.00/1125). Лансинг взял этот документ с собой, когда отправился к Вильсону.

⁷¹ 22 февраля, в связи с обсуждением в ЦК РСДРП(б) вопроса о возможности приобретения оружия и продовольствия у держав Антанты для организации отпора германской агрессии, Ленин направил в ЦК записку с просьбой присоединить его голос «за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма» (см. В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 581). — *Прим. ред.*

⁷² Послание Вильсона Съезду Советов, «Wilson Mss».

денту 27 февраля⁷³. Отсюда проистекала крайне сложная проблема — как сдерживать и контролировать японцев. Сначала Лансинг поощрял китайцев не сдавать позиции в Маньчжурии. Он сообщил им о желании Соединенных Штатов, чтобы «китайское правительство взяло под опеку и охраняло ту часть транссибирской железной дороги, которая проходит через Маньчжурию»⁷⁴. А поскольку китайцы уже имели войска в районе Харбина и могли послать еще, это не было пустой фразой.

Идеалом Франции было связать Японию соглашением, но Лансинг колебался: этот путь требовал одобрения сената, а неизбежные дебаты могли вызвать серьезные затруднения⁷⁵. Подробное публичное обсуждение политики по отношению к России было нежелательным с точки зрения правительства Вильсона. Оно дало бы Робинсу, Томпсону и другим критически настроенным лицам возможность настаивать на видоизменении — а быть может, и на радикальном пересмотре — существовавшей политики. Европейские державы согласились с Лансингом и выразили «полную удовлетворенность подходом президента к данному вопросу»⁷⁶.

Поддержкой Англией, Францией и Италией маневров с целью установить контроль над действиями Японии, а также донесения Рейнша, Саммерса и других американских агентов вызвали — по крайней мере, временно — у Вильсона и Лансинга чувство, что они могут двинуться вслед за японцами и оказать выгодное для Америки влияние на события в России, опираясь на свою экономическую мощь и дипломатию⁷⁷. Меморандум, опубликованный Вильсоном вечером 27 февраля, был уловкой, рассчитанной на то, что, если японцы публично повторят уверения в ограниченном характере своих действий, им придется соблюдать их; Соединенные Штаты же смогут тогда благословить их интервенцию. Вильсон разъяснял: США «желают заявить японскому правительству о своей полной убежденности в том, что, вводя войска в Сибирь, оно действует как союзник России с единственной целью спасти Сибирь от интриг и вооруженного вторжения Германии, а также с горячим стремлением предоставить решение всех вопросов, затрагивающих будущее Сибири, мирному совещанию»⁷⁸.

Однако в течение последующих 72 часов Вильсон отказался даже от такой поддержки японской интервенции. Он сообщил Польку, что «абсолютно необходимо» изменение позиции⁷⁹. Столь резкий сдвиг объяснялся несколькими причинами. Президента неоднократно и весьма энергично убеждали в том, что Соединенные Штаты не могут рассчитывать на контроль над действиями японцев, поймав их на слове. Эти критики, например полковник Хауз, заявляли, что, невзирая ни на что, японцы могут остаться в Сибири или направить свои войска на юг, в Китай, а это поставило бы Соединенные Штаты перед ужасным выбором — либо отказаться от политики «открытых дверей», либо объявить войну Японии. Вышеуказанные доводы оказали на Вильсона тем более сильное воздействие, что у него все равно не было готовой программы экономической помощи, которая укрепила бы американские позиции и усилила сопротивление русских и китайцев Японии.

В результате президент как будто произвел и переоценку общей ситуации, вернувшись к посылке, что прямое вмешательство сплотит рус-

⁷³ Лансинг — Вильсону, 27 февраля 1918 г., «Wilson Mss».

⁷⁴ Лансинг — Пейджу, 27 февраля 1918 г. (861.77/307).

⁷⁵ Лансинг — Вильсону, 27 февраля 1918 г., «Wilson Mss».

⁷⁶ Польк — Лансингу, 5 марта 1918 г. (861.00/1246).

⁷⁷ Рейнш — Лансингу, 21 февраля 1918 г. (861.00/1138); Лансинг — Пейджу, 24 февраля (861.00/1136 1/2); Рейнш — Лансингу, 24 февраля (861.00/1136 1/2); Саммерс — Лансингу, 23 февраля (861.00/1154).

⁷⁸ Набросок телеграммы, врученный Вильсоном Лансингу 1 марта 1918 г. (861.00/1246).

⁷⁹ Польк — Лансингу 5 марта 1918 г. (861.00/1246).

ских вокруг большевиков. Некоторые американцы полагали, что такой исход будет особенно вероятен, если японцы вторгнутся в Россию одними — это, по их мнению, вызовет у русских чувство национального антагонизма, усиленное памятью поражения в недавней русско-японской войне. На отношении Вильсона к интервенции повлияли и напоминания таких лиц, как полковник Хауз, о том, что столь открытое нарушение принципа самоопределения подорвет престиж США.

Наконец, в изменении намерений Вильсона сыграло свою роль и противодействие односторонней японской интервенции со стороны Италии. Стремясь извлечь выгоду из политики «открытых дверей», Италия выставила «три условия» своей поддержки японцев: действия Токио «должны быть приемлемы» для Соединенных Штатов; интервенция «не должна осуществляться одной Японией»; «Япония должна дать гарантии, что она не будет стремиться остаться на оккупированной территории»⁸⁰.

Циркулярное письмо Вильсона от 5 марта, в котором он высказывался против односторонней интервенции Японии, служит прекрасной иллюстрацией логики его мышления в этом вопросе. Сначала президент заявил, что «самым серьезным образом» отнесся к «опасности крайней анархии» в Сибири. Корни кризиса крылись в социальном и политическом положении, и с этой точки зрения интервенция была в конечном счете желательна, так как могла урегулировать дела, пока они еще поддавались урегулированию. Но он был «обязан со всей откровенностью заявить, что разумность интервенции представляется... весьма спорной».

В заключение Вильсон заявлял о возвращении к стратегической оценке, принятой в начале декабря 1917 г. Военная интервенция вызовет «горячее возмущение» в России и в целом будет на руку врагам России, а особенно врагам русской революции, к которой правительство Соединенных Штатов испытывает «глубочайшее сочувствие, несмотря на все несчастья и невзгоды, которые она временно принесла»⁸¹.

А, надо сказать, для Вильсона — как и для американского руководства вообще — именно в большевиках был корень всех этих несчастий и невзгод. И уж, во всяком случае, они не считали большевиков частью той русской революции, к которой Соединенные Штаты испытывали «глубочайшее сочувствие». Как заметил в личном письме Рейншу заместитель государственного секретаря Лонг, американская политика пеклась о поддержке «первоначальной (т. е. Февральской, а не Октябрьской.— *Прим. ред.*) революции»⁸².

V. РЕШЕНИЕ О ВТОРЖЕНИИ

5 марта Вильсон не отбросил прочь идею интервенции, а просто отказался поддержать один из возможных тактических вариантов ее осуществления. Президент продолжал искать пути вторжения США в Сибирь в качестве главной силы, направляющей действия Антанты, включая и Японию, а также пути последующих экономических и политических действий в поддержку антибольшевистского движения. Нет свидетельств, что на обсуждение эффективных способов осуществления этих планов оказали значительное влияние возникавшие порой слухи о возможных военных действиях Германии в Сибири. Лансинг рассмотрел эти слухи в меморандуме Вильсону от 19 марта и пришел к заключению, что оценка адмирала Найта оставалась в силе. Найт заявлял, что уничтожение сколько-нибудь значительной части военных складов

⁸⁰ Польк — Лансингу, 15 марта 1918 г. (861.00/1246).

⁸¹ Послано в Японию под № 861.00/1246 в 4 часа дня 5 марта.

⁸² Лонг — Рейншу, 14 марта 1918 г., «Reinsch Mss».

союзников во Владивостоке «невозможно»; что «нет абсолютно никакой опасности» захвата их немцами; что, наконец, «нет свидетельств» сколько-нибудь серьезного влияния Германии на положение в Сибири⁸³.

Правда, между 21 и 24 марта 1918 г. Лансинг начал проявлять беспокойство в связи с потоком сообщений о том, что большевики убеждали часть немецких и австрийских пленнх принять свою радикальную идеологию, а затем использовали их в борьбе против своих противников в Сибири. Государственный секретарь считал, что окажись эти сообщения достоверными, «в Сибири возникнет новая ситуация, которая может привести к пересмотру нашей политики». Его упоминание о «новой ситуации» ясно показывает, что ни теория, согласно которой большевики были германскими агентами, ни боязнь военных операций Германии в Сибири не были главным стимулом дебатов об интервенции, имевших место между 7 ноября 1917 г. и 20 марта 1918 г. Больше того, подход Лансинга к последним донесениям был целиком условным. Он просто делал то же самое, что сделал бы на его месте любой высокопоставленный чиновник. «Мы должны рассматривать проблему, исходя из гипотезы, что сообщения верны, и быть готовыми действовать незамедлительно», — пояснил он⁸⁴.

Вильсон похвалил государственного секретаря за предусмотрительность, но не согласился с тем, что ситуация призывала к действию. «Я не нахожу достаточных причин изменить нашу позицию», — заявил он о вышеуказанных донесениях⁸⁵. Слухи продолжали время от времени поступать, но не принимались за достоверные. Например, в апреле и Рейнш, и президент Чехословакии Масарик советовали Вильсону и Лансингу не относиться к ним серьезно и не основывать на них свою политику. У Рейнша была обширная информация из первых рук. Он приложил массу усилий к тому, чтобы выведать, что творится в Сибири, и его главный агент майор Уолтер С. Дрисдейл (военный атташе США в Пекине) был «в высшей степени разумным человеком»⁸⁶.

В одном из донесений Рейнша, подготовленном 9 марта, рассказывалось о том, что военнопленные использовались «в качестве конторских служащих, маляров, плотников, сапожников и т. д.». Спешнев жаждал американского вмешательства «во внутренние дела» России, направленного «против большевиков», но и его призывы не основывались на боязни активизации военнопленных; просто он был врагом большевиков. Суммируя сведения, полученные в ходе поездки на место, Дрисдейл недвусмысленно заключал: «Не было видно ни одного вооруженного пленного, и мало вероятно, чтобы кто-либо из них был вооружен». Три недели спустя, 10 апреля, он сообщил: «некоторые пленные» в районе Читы изменили политические убеждения и «сражались, как рабочие, за дело рабочих, против буржуазии».

Как объяснил Дрисдейлу один австриец, «они помогали своим братьям — трудящимся в России против Семенова и буржуазии»⁸⁷. Таким образом, возможно, и правильно было бы называть австрийцев «пробольшевиками», но уж никак не объявлять большевиков немецкими агентами. А по донесениям тех, кто наблюдал за событиями на месте, других вооруженных пленнх не было. Эти донесения, вкуче с суммарной оценкой их, сделанной Рейншем для Вашингтона, показывают

⁸³ См. «Lansing Mss» и особенно Лансинг — Вильсону, 19 марта 1918 г., «Wilson Mss». К последнему документу приложен ряд телеграмм от Найта и других агентов о положении в Сибири.

⁸⁴ Лансинг — Вильсону, 24 марта 1918 г. (861.00/1433 1/2).

⁸⁵ Вильсон — Лансингу, 22 марта 1918 г., «Wilson Mss».

⁸⁶ Масарик — Крэйну, 10 апреля 1918 г., «Wilson Mss»; Рейнш — Лансингу, 10 апреля 1918 г. (861.00/1571); Рейнш — Дж. В. Макмуррею, 29 апреля 1918 г., «Reinsch Mss».

⁸⁷ См. доклад Спешнева от 9 марта 1918 г.; Дрисдейл — Рейншу, 19 марта 1918 г. и 10 апреля 1918 г., «Reinsch Mss».

беспочвенность даже весьма условной и гипотетичной тревоги Лансинга относительно военнопленных.

Где-то в середине апреля, когда страхи перед немецкими военнопленными были развеяны, президент Вильсон начал активные поиски какой-либо антибольшевистской группы, опираясь на которую он мог бы прямо вмешаться в русские дела. «Мне бы очень пригодился меморандум, содержащий все имеющиеся у нас сведения об этих нескольких зародышах самоуправления... в Сибири,— указал он Лансингу 18 апреля.— Я бы с большим удовольствием поддержал наиболее представительные из них, если бы они сумели сформировать правительство и получить реальную власть». Как и решение поддержать Каледина в Южной России, это письмо ясно показывает, что вершители американской политики рассматривали интервенцию в качестве операции против большевиков. Весной 1918 г. задача состояла в том, чтобы найти победителя — хотя, конечно, помимо разгрома большевиков была еще и другая цель — преградить путь японцам. Несмотря на отсутствие письменных документов, можно с уверенностью сказать, что в течение нескольких последующих дней происходили беседы между Вильсоном и Лансингом по этому вопросу. Об этом говорит, например, депеша Лансинга 23 апреля американскому послу во Франции. Введя посла в курс дела с тем, чтобы тот мог обсудить планы интервенции с французскими властями, государственный секретарь ясно намекнул, что беседовал с президентом. Он сообщил, что Бельгия и Италия попросили Соединенные Штаты перебросить из Нагасаки и Владивостока на западный фронт 450 солдат и офицеров с несколькими броневиками. Американское правительство ответило, что, исходя из собственных целей, оно считает разумным оставить войска на Дальнем Востоке.

Лансинг пояснил, что этот совет «учитывал возможность интервенции в Сибири. Было бы опрометчивым убрать оттуда войска, находящиеся под флагом воюющей державы, ибо затруднительно потом послать туда вместо них другие». Это, конечно, еще не было приказом об интервенции, но, безусловно, свидетельствовало о том, что Вильсон и Лансинг достаточно серьезно обсуждали, как привести в готовность неапонские войска. Такой вывод подкрепляется указанием Лансинга американскому послу в Париже соблюдать осторожность: «Крайне желательно, чтобы этот вопрос не обсуждался с другими лицами»⁸⁸.

Весь следующий месяц Лансинг и Вильсон внимательно следили за успехами антибольшевистского атамана Григория Семенова. Семенов был тщеславным и надменным человеком, противником демократии, но железные нервы и безжалостность делали его незаменимым в бою — именно эти качества импонировали американским политикам. А поскольку ни Вильсон, ни Лансинг не были склонны вести какие-либо переговоры об интервенции в Сибири с большевиками, Семенов привлек их внимание.

Государственный секретарь ясно указал, что он против какого бы то ни было соглашения с большевиками даже с целью сдержания немцев или японцев, ибо тем самым США «оказались бы в противоположном лагере по отношению к Семенову и антисоветским элементам». Этого нельзя было допустить. Вильсон согласился с Лансингом и 18 мая повторил свои инструкции от 18 апреля: «Внимательно наблюдайте за действиями Семенова, выясняя, нет ли возможности помочь ему»⁸⁹.

Президент еще более укрепился в своем настойчивом стремлении отыскать какой-либо путь поддержки антибольшевистских сил, когда в США усилилась кампания, проводившаяся различными враждебными большевизму группами. Эти группы хотели захватить позиции в России

⁸⁸ Лансинг — Шарпу, 23 апреля 1918 г. (861.00/1674).

⁸⁹ Лансинг — Вильсону, 16 мая 1918 г. (861.00/1894 1/2); Вильсон — Лансингу, 20 мая 1918 г. (861.00/1895 1/2).

посредством программы экономической помощи, которая позволила бы им остаться там и получать барыши после свержения большевиков⁹⁰. Вильсон интересовался их планами, хотя основное внимание сосредоточил на поддержке военных действий противников большевизма.

Получив депешу Рейнша, призывавшую к скорым действиям, президент спросил государственного секретаря, не считает ли тот, что настало время для интервенции. «Для эффективных объединенных действий Антанты и США положение в Сибири ныне благоприятнее, чем когда-либо,— писал Рейнш 16 мая.— Если Америка будет бездействовать и впредь, дружественные чувства к ней, вероятно, остынут». Доводы Рейнша определенно заинтересовали и, быть может, даже частично убедили Лансинга.

Лансинг понимал, что целью Семенова было «удержать сибирскую железную дорогу и свергнуть большевиков»; это открывало «перспективу объединения всех разнородных элементов, стремящихся восстановить порядок в Сибири». Но хотя поддержку Семенова можно было также сочетать с оказанием помощи находящимся в Сибири чехословацким войскам, опасность вызвать неприязнь рядовых русских, настроенных антибольшевистски, все еще беспокоила государственного секретаря. Лансинг вынес заключение, что «удобное» время для интервенции еще не наступило⁹¹.

Вильсон согласился с тем, что важно не ссориться с противниками большевиков внутри России и сдерживать японцев, но эти тактические трудности не заставили его отказаться от поисков путей претворения в жизнь стратегии антибольшевизма. Он заявил англичанам о своей готовности «пойти на интервенцию вопреки желаниям русского народа, зная, что в конечном счете она будет совершена ему на благо, и при условии, что планы интервенции будут, по его мнению, иметь какие-либо практические шансы на успех». Объединенная интервенция представляла благоприятные возможности сплочения населения против большевиков, в то время как односторонние действия Японии вызвали бы антагонизм со стороны всех русских, «кроме небольшого числа реакционеров, которые готовы объединиться с кем угодно, лишь бы уничтожить большевиков».

Когда Вильсона спросили, не имеет ли он в виду, что Антанта «вообще не должна предпринимать никаких действий», он ответил отрицательно: «Мы должны внимательно и сочувственно следить за ходом событий и быть готовыми к действиям, едва наступит подходящее время». Ожидая приглашения вмешаться от какой-либо хорошо организованной антибольшевистской группы, Вильсон хотел создать почву для успешных операций путем стабилизации экономического положения в тех районах Сибири, где не было большевиков⁹². Но что касается Лансинга, то даже после повторного провозглашения Вильсоном своей приверженности стратегии антибольшевистской интервенции, он очень осторожно видоизменял тактику.

26 мая государственный секретарь получил длинное письмо от своего старого друга Джорджа Кеннана, который считался в Америке одним из ведущих экспертов по русским делам. Воинственно антибольшевистские советы Кеннана произвели впечатление на Лансинга. «Я про-

⁹⁰ W. A. Williams. *American — Russian Relations*, p. 147—150, 152—153.

⁹¹ См. Лансинг — Моррису, 22 мая 1918 г. (861.00/1819). Из этого донесения вытекает, что американский план интервенции еще раньше базировался на решении действовать односторонним порядком, как только наступит благоприятный момент. Такой вывод подтверждает ответ Лансинга на просьбу о переброске бельгийских и итальянских войск. В конечном счете именно так и протекала интервенция. См. Вильсон — Лансингу, 20 мая 1918 (включая депешу Рейнша) и Лансинг — Вильсону, 21 мая 1918 (включая донесение Майлса от 21 мая 1918 г. о военных действиях Семенова), «Wilson MSS».

⁹² Уайзмен — сэру Р. Драммонду 31 мая 1918 г. «Papers of Sir William Wiseman» в библиотеке Иельского университета. Это подробный отчет о беседе с президентом.

чел это письмо с особым интересом потому, что оно исходит от лучшего знатока России в Америке», — писал он. Государственный секретарь с удовлетворением обнаружил, что его собственные взгляды «очень схожи» со взглядами Кеннана. Единственное расхождение касалось «разумности интервенции в Сибири».

Кеннан был убежден, что интервенция являлась не только стратегически желательной, но и тактически осуществимой. Лансинг же целиком соглашался с первым, но «не был столь уверен», что тактика прямой интервенции принесет успех. Однако он заявил, что этот вопрос «весьма тщательно» рассматривался правительством. И поскольку Кеннан «так ясно проанализировал положение дел», Лансинг обещал «передать его письмо президенту»⁹³.

Лансинг услышал аналогичные советы и на следующее утро, придя в госдепартамент. Депеша от посла в Париже извещала его о том, что в Риме была учреждена «Лига за возрождение России в единстве с ее союзниками», получившая поддержку русских в Англии. Эта яро антибольшевистская лига обратилась за помощью непосредственно к Соединенным Штатам, предложив идею «сильного центрального правительства, вокруг которого сгруппировались бы все здоровые элементы, борющиеся против большевиков и Германии»⁹⁴.

Изучая этот документ, государственный секретарь узнал, что послы стран Антанты в Париже пришли к выводу о необходимости и разумности интервенции, которая «должна состояться, независимо от того, будет или нет получено согласие большевистского правительства», ибо как таковое это согласие теперь «имеет гораздо меньшее значение»⁹⁵. 30 мая Рейнш послал еще один «настоятельный призыв» действовать, основываясь на «крайней необходимости действий Антанты в Сибири». Он пояснил, что Россия «жаждет порядка и пойдет за теми, кто его установит. Только если этот порядок будет установлен с помощью Антанты, он будет носить демократический характер»⁹⁶.

Всего этого оказалось достаточно для того, чтобы Лансинг посоветовал Фрэнсису вести дела с большевиками крайне осторожно. «Я уверен, — напомнил он послу, — что вы понимаете: ваши действия должны быть тактичны». Нельзя было допустить, чтобы у большевиков создалось — а тем более, чтобы они создали — впечатление, будто американцы принимают участие в интервенции или оказывают ей содействие, ибо это приведет к «отчуждению и недоверию тех либеральных элементов русского населения, которые не поддерживают большевиков»⁹⁷. Данные инструкции говорят о том, что политические деятели Вашингтона, ведомые своими антибольшевистскими убеждениями, все больше склонялись к решению открыто вмешаться в дела России и стремились снискать по возможности более широкое одобрение своих действий со стороны русских.

На следующий день, 2 июня, Лансинг узнал, что подразделение чехословацких пленных вступило в бой с большевиками. Быстро оценив ситуацию, он заверил Пейджа в том, что американское правительство с интересом и участием относится к антибольшевистской «Лиге за возрождение России»: «Меня глубоко заинтересовала программа возрождения России; наше правительство в целом с ней согласно». Затем, сообщив Фрэнсису, что госдепартамент «тщательно изучает» его предложение в письме от 2 мая начать интервенцию, Лансинг тонко намекнул

⁹³ Кеннан — Лансингу, 26 мая и Лансинг — Кеннану, 28 мая 1918 г., «Lansing Mss».

⁹⁴ Пейдж — Лансингу, 28 мая 1918 г. (861.00/1901).

⁹⁵ «Соглашение послов союзных стран от 29 мая 1918 г. Секретно» (Rg. 159.800/1918).

⁹⁶ Рейнш — Лансингу, 30 мая 1918 г. (861.00/1900).

⁹⁷ Лансинг — Фрэнсису, 1 июня 1918 г. (861.00/1900).

послу, что вероятность интервенции растет⁹⁸. Вскоре после этого помощник государственного секретаря Лонг перечислил все выгоды, которые может принести интервенция, если ее осуществлять, поддерживая связь с чехословаками. Чехи «враждебно относятся к большевикам», и их можно «использовать для военной экспедиции с целью подорвать влияние большевиков, а также восстановить порядок под руководством союзников»⁹⁹. Эти и другие донесения того периода свидетельствуют, что творцы американской политики открыто говорили об интервенции как об операции против большевиков.

По мере того как крепло решение правительства США вторгнуться в Россию, Лансинга начали беспокоить все более активные общественные дебаты по этому вопросу. Государственный секретарь боялся, что возбуждение, вызванное этими дебатами, заставит правительство начать интервенцию прежде, чем она будет должным образом подготовлена. Сославшись на критику в адрес правительства за провал программы авиастроения, Лансинг призвал не допустить повторения этого случая. «В конгрессе и вне его я вижу все признаки того, что подобная ситуация возникает в связи с русским вопросом», — написал он Вильсону 13 июня. Государственный секретарь выдвинул идею создать экономическую комиссию во главе с Гербертом Гувером, которая придавала бы интервенции благопристойный вид в глазах общественности. «Вооруженная интервенция в защиту гуманной деятельности этой комиссии предпочтительнее, чем вооруженная интервенция до начала ее деятельности», — заметил Лансинг¹⁰⁰.

По-видимому, Вильсон по достоинству оценил политическую хитрость Лансинга, но намерение президента начать с вмешательства в поддержку чехов и других антибольшевистских сил было твердым. Он благожелательно отнесся к сообщению Рейнша от 13 июня, содержащему высокий отзыв о славянах: имея «даже незначительную моральную и военную поддержку, они могут отстоять от немцев всю Сибирь». Упоминание советника о немцах не значило, что он изменил мнение о большевиках или проникся тревогой, что Германия завоюет Сибирь. Он знал от Дрисдейла, что чехи были против большевиков, и согласился со своим подчиненным в необходимости помешать последним оказать им эффективный отпор.

Упоминание о Германии выдавало опасения Рейнша, что военные действия чехов побудят примкнуть к большевикам значительное число военнопленных. Он вовсе не ожидал наступления немцев в Сибири¹⁰¹ и был правильно понят как Вильсоном, так и Лансингом. Президенту чехи представлялись мощной и боеспособной силой, направленной против большевиков, японцев и немцев. Они были как раз тем зародышем власти, который он высматривал по крайней мере с середины апреля.

Антибольшевистский характер настроений Вильсона ярко проявился в его реакции на программу Всероссийского союза кооперативных обществ. Руководитель этой организации заявил о своей враждебности большевизму и спросил, не возглавят ли США интервенцию¹⁰². Комментарии президента к сообщению об этом запросе не только показывают его общую враждебность большевизму, но и позволяют с уверен-

⁹⁸ Лансинг — Пейджу, 4 июня 1918 г. (861.00/1900); Лансинг — Фрэнсису, 4 июня 1918 г. (861.00/1955).

⁹⁹ Лонг — Фрэнсису, Лансингу, 7 июня 1918 г. (861.00/2008).

¹⁰⁰ Лансинг — Вильсону, 13 июня 1918 г. (861.48/614 3/4a).

¹⁰¹ Рейнш — Вильсону, 13 июля 1918 г. (861.00/2014); меморандум майора Д. П. Бэрроуза от 7 апреля 1918 г. и особенно Дрисдейл — Рейншу, 25 января 1918 г., «Reinsch Mss». См. также Мозер — Лансингу, 10 июня 1918 г. (861.00/2040); Колдуэлл — Лансингу, 12 июня 1918 г. (861.00/2040); Колдуэлл — Лансингу, 14 июня 1918 г. (861.00/2169).

¹⁰² Вильсон — Лансингу, 19 июля 1918 г. (861.00/2145 1/2); Пуль — Лансингу, 12 июня 1918 г., затем переслано Вильсону (861.00/2053).

ностью предположить, что он уже вынес личное решение начать интервенцию. Кооперативные общества, заявил он, следует рассматривать как «инструменты осуществления наших нынешних планов в Сибири»¹⁰³.

Это предположение подтверждает и другой шаг Вильсона, предпринятый им в тот же день. Он попросил военного министра Бэйкера подготовить план кампании в Сибири, взяв за основу меморандум, в котором предлагалось предпринять интервенцию при поддержке буржуазии в Сибири и остальной России¹⁰⁴. Ответ армии был составлен начальником штаба генералом Пейтоном Марчем. Генерал заявил, что война будет «выиграна или проиграна на западном фронте», а интервенция в Сибири, «расцениваемая как чисто военная операция», не является «ни практической, ни осуществимой» — она представляет «серьезную военную ошибку»¹⁰⁵.

Вильсон отверг это возражение на совещании в Белом доме 6 июля 1918 г. Он знал о германском наступлении на западном фронте. Он знал также о том, что чехи свергли большевиков во Владивостоке и обеспечили общую базу для боевых действий против большевиков во всей Сибири. Теми же сведениями располагал и Лансинг. 23 июня он заметил, что чехи «сражаются с Красной гвардией вдоль сибирской магистрали», а 2 июля добавил: они сражаются, чтобы «выбить местные Советы». В частной же записке в начале июля государственный секретарь написал: «Не думаю, что мы должны принимать во внимание отношение сибирских большевиков»¹⁰⁶.

Совещание в Белом доме ясно показало, что интервенция не ставила целью установить восточный фронт против немцев. Это было «физически невозможно». Больше того, при обсуждении «основного вопроса и программы» не упоминалось о помощи чехам в их борьбе с немецкими и австрийскими военнопленными. Фраза о помощи им фигурировала лишь в той части «публичного заявления», которое касалось условий, предъявленных Японии¹⁰⁷.

Не было также никакого упоминания ни о немецких и австрийских пленных, ни о большевиках как немецких агентах и в памятной записке Вильсона от 17 июля 1918 г. Хотя этот документ часто называют неясным, бессвязным и даже противоречивым, истина состоит в том, что Вильсон выразил свои мысли откровенно и четко. Он заявил, что интервенция не является маневром с целью восстановления восточного фронта, «даже если она и может быть полезной в осуществлении непосредственной и открыто провозглашенной задачи нанесения удара Германии»; равным образом она не является «только способом использовать Россию». Это не помогло бы русским избавиться от «их нынешних бед», в которых виновны большевики.

Вильсон указал, что целью интервенции было «лишь помочь чехословакам укрепить свои силы и войти в плодотворное сотрудничество со своими братьями-славянами, а также способствовать попыткам русских наладить самоуправление и самозащиту, что может быть для них желанным»¹⁰⁸. Нельзя умалять значения слов «лишь» и «братья-славяне». Первое было чисто фиктивным по той простой причине, что для американцев чехи служили прекрасным предлогом вмешаться: это слово

¹⁰³ Вильсон — Лансингу, 19 июля 1918 г. (861.00/2148 1/2).

¹⁰⁴ Вильсон — Бэйкеру, 19 июня 1918 г. (включая меморандум от 17 июня), «Wilson Mss».

¹⁰⁵ Меморандум Марча Бэйкеру от 19 июня 1918 г., «Wilson Mss».

¹⁰⁶ Лансинг — Вильсону, 23 июня 1918 г., «Lansing Mss»; Лансинг — Моррису, 2 июля 1918 г. (861.00/2168) и меморандум Лансинга о положении в Сибири от 4 июля 1918 г., «Lansing Mss».

¹⁰⁷ См. меморандум Лансинга на совещании в Белом доме 6 июня 1918 г., «Lansing Mss». См. также Эбботт — Вильсону, 10 июля 1918 г., «Wilson Mss».

¹⁰⁸ «Wilson Mss».

предназначалось для Токио и выражало намерение США противодействовать территориальным притязаниям Японии. Точно так же второе должно было уверить в этих намерениях русских.

Поскольку Вильсон и другие американские правительственные деятели знали, что большевики были сторонниками радикальной социальной революции, и неоднократно заявляли о своей к ним неприязни, смысл памятной записки президента совершенно ясен. Американская интервенция в России была долго обсуждавшимся и затянувшимся тактическим ходом в широкой антибольшевистской игре, стратегия которой была выработана еще в декабре 1917 г. «Не думаю, чтобы нам надо было бояться последствий нашей политики в отношении большевиков, ибо мы не намерены вести с ними дела», — писал Вильсон сенатору Джеймсу Гамильтону Льюису 24 июля 1918 г.¹⁰⁹

Лансинг выразил свою точку зрения несколько позднее. По его мнению, абсолютизм и большевизм являлись «два величайших зла современного мира», причем большевизм был «большим злом, так как нес разрушение законности и порядка»¹¹⁰. Большевизм представлял «самое ужасное, самое чудовищное зло, которое когда-либо замыслил человеческий ум». Этот подход побудил Лансинга рекомендовать курс действий, которому государственные деятели Запада упрямо следовали по крайней мере в течение двух последующих поколений. Лансинг заявил следующее: «Мы не должны заходить слишком далеко в ослаблении Германии и Австрии»¹¹¹.

VI. АГОНИЯ ВИЛЬСОНА

И на протяжении 1919 г. президент продолжал оказывать помощь противникам большевиков в России. Лишь 1 апреля 1920 г. последние американские войска покинули Сибирь. Все это время Вильсон выказывал озабоченность не только по поводу действий радикалов в России, но и в отношении «опасности большевизма» в Соединенных Штатах. «Надо быть очень бдительными и сплоченными пред лицом такой опасности», — предостерег он накануне перемирия в 1918 г.

Что касается трудностей, помешавших интервенции достичь своих целей, то и Вильсон, и Лансинг заявили о них, хотя и сжато, но достаточно ясно. Все необходимые сведения на этот счет мы находим в ответе Вильсона Уинстону Черчиллю в ходе обсуждения данного вопроса на Парижской мирной конференции. «Нельзя было послать новобранцев и, по-видимому, не было возможности набрать добровольцев. Он чувствовал себя виноватым в том, что Соединенные Штаты не обладают достаточными силами в России, но увеличить их было невозможно. Это поистине была жестокая дилемма». Лансинг привел те же соображения в «личном и секретном» письме Джорджу Кеннану. «Я хотел бы довести до вашего сведения, что не отсутствие заинтересованности помешало нам использовать крупные военные силы в Сибири... Мы были связаны по рукам и ногам обстоятельствами»¹¹².

В целом американская интервенция в России не представляет для историка ни непреодолимой проблемы, ни неразрешимой загадки. Не существовало какого-либо темного заговора американских государственных деятелей. Насколько разумной была тогдашняя политика США, пусть каждый решит сам. История же свидетельствует, что интервенция

¹⁰⁹ «Wilson Mss».

¹¹⁰ Лансинг — Руту, 28 октября 1918 г., «Lansing Mss».

¹¹¹ Меморандум Лансинга об абсолютизме и большевизме от 26 октября 1918 г., «Lansing Mss».

¹¹² Лансинг — Кеннану, 2 февраля 1920 г.; «Papers of George Kennan» (в Библиотеке Конгресса). «F. R. Paris Peace Conference, 1919», Washington, 1943, v. III, p. 1042—1044.

ставила целью оказать прямую и косвенную поддержку противникам большевиков в России. Таким образом, она была антибольшевистской по замыслу. Люди, принявшие решение об интервенции, взирали на большевиков как на опасных, радикально настроенных революционеров, угрожавших американским интересам и существовавшему строю во всем мире. Они вовсе не считали их немецкими агентами и не расценивали большевистскую революцию как переворот, организованный германским правительством.

Несмотря на заинтересованность в победе над Германией и сдерживании Японии на Дальнем Востоке, правительство США упорно отказывалось изучить возможности достижения этих целей путем сотрудничества с большевиками. Между тем это была отнюдь не гипотетическая альтернатива. Хотя теоретическая доктрина большевиков заставляла их колебаться и относиться к намерениям стран Запада с подозрением, их руководители предпринимали настойчивые попытки установить такое сотрудничество. Гибкость большевиков предоставляла возможности, которые никто не использовал, — а этот момент мог стать одним из поворотных пунктов в истории. Благоприятные возможности были упущены главным образом потому, что американские руководители оказались на деле еще большими доктринерами и абсолютистами в идеологическом смысле, нежели большевики. Трудно гадать, что вышло бы, будь они другими, но ясно, что их больше устраивало сохранение статуса кво, чем новые перспективы. И, как часто бывало в прошлом, Соединенные Штаты основывали свои действия на утопии.

Единственный существенный вопрос, оставшийся без ответа, касается санкций Вильсона на официальную публикацию постыдных бумаг Сиссона, предназначенных доказать, что большевики были агентами Германии. Ни английское правительство, ни госдепартамент не приняли эти бумаги на веру и отказались их печатать. Ответственность за их выход в свет целиком лежит на президенте.

Последнее становится особенно очевидным в свете того факта, что Эдгар Сиссон сам не верил в правдоподобность своей версии. Он раскрыл это 19 февраля 1918 г. в телеграмме Джорджу Крилю, своему начальнику в Комитете общественной информации. «Они — бешеные интернационалисты, которые не только вначале, но и до последнего времени стремились заполучить поддержку немцев в собственных революционных целях, — заявил Сиссон о большевиках. — Германия полагала, что ей удастся руководить бурей, но это не входило в намерения бури»¹¹³.

Поскольку нет никаких документальных свидетельств, можно только гадать, знал ли Вильсон об этой направленной в госдепартамент депеше или нет. Во всяком случае, в начале марта президент лично приказал Сиссону следовать в Вашингтон, не обсуждая ни с кем документы, которые он купил в России. Мы знаем, что Лансинг отказался публиковать эти материалы под визой госдепартамента, и после беседы с ним на первой неделе мая Сиссон пребывал в плохом настроении. Мы знаем также, что Лансинг назвал Сиссона «опасным человеком» и предостерег от официальных сделок с ним¹¹⁴.

Но в конце концов, как нам уже известно, Сиссон уговорил Вильсона дать санкцию на публикацию своих фальшивок. Он проделал это за спиной и вопреки открытому противодействию Лансинга. Возможно, хотя и непохоже, что Сиссон просто убедил Вильсона в подлинности документов. Собственное отношение Вильсона к большевикам опровергает

¹¹³ «1918 Correspondence Confidential. Dispatch № 2388». Эту телеграмму Фрэнсис переслал Лансингу.

¹¹⁴ Лансинг заявил об этом 27 февраля 1919 г., «F. R. Paris Peace Conference 1919», vol. IX, p. 80.

такое объяснение. И вообще кажется невероятным, что решение о публикации этих бумаг зависело от личных бесед Вильсона с Сиссоном.

Таким образом, свидетельства указывают на то, что Вильсон санкционировал напечатание материалов Сиссона для того, чтобы придать более разумный вид своему решению об интервенции, которое никак не согласовывалось с провозглашавшейся им приверженностью принципу самоопределения. Президент остро ощущал противоречивость этой дилеммы с самого начала кризиса и жестоко страдал — но все же принял решение вмешаться в русские дела. Однако, зная Вильсона, трудно допустить, что это решение положило конец его терзаниям. Поэтому-то, возможно, в последний раз попытавшись вылить бальзам на свои душевные раны, президент поддался на настойчивые уговоры Сиссона. Если это так, то мы можем опустить занавес над трагедией интервенции.

